

К. Н. Семикова (г. Минск, Беларусь)

**К ВОПРОСУ О ПОДВИЖНОМ ЕДИНСТВЕ ЛИРИКИ
ПУШКИНА**

Движение – то, что несет всякое изменение и превращение, либо изменение положения во времени и пространстве. Для Пушкина жизнь – это движение во времени и пространстве, которое определяется энергией сопротивления распаду, то есть смерти.

Пушкинская лирика отличается желанием ощущать движение всего живого в пространстве и времени: «Ах, лейся, лейся ключ отрадный, / Журчи, журчи свою мне былль» («Фонтану Бахчисарайского дворца», 1824). «Шуми, шуми, послушное ветрило, / Волнуйся подо мною, угрюмый океан» («Погасло дневное светило», 1820). Динамика живого вокруг пробуждает ощущение жизни собственной души: «Душа кипит и замирает» («Погасло дневное светило», 1820), дает мысли движение во времени, выражающейся в воспоминаниях или представлениях: «Я вспомнил прежних лет безумную любовь, / И все, чем я страдаю, и все, что сердцу мило» («Погасло дневное светило», 1820).

Поэт делит жизнь на этапы: «В степи мирской, печальной и безбрежной, / Таинственно пробилась три ключа, / Ключ юности, ключ быстрый и мятежный, / Кипит, бежит, сверкая и журча, / Кастальский ключ волною вдохновенья, / В степи мирской изгнанников поит, / Последний ключ – холодный ключ Забвенья, / Он слаще всех жар сердца утолит» («Три ключа», 1827).

Мирская степь выражается как бесконечная протяженность пространства, а ключи, пробившиеся в этой степи являются чем-то ограниченным по времени, но на каждом временном этапе спасительным, отрадным, дающим смысл. Важно, что между собой ключи не похожи. Для Пушкина играет роль их разная природа.

Ключ юности – бесценный дар от самой жизни. Он быстр, мятежен, характеризуется кипучей энергией. Ключ юности открывает жизнь наслаждения. Мотив жизни как наслаждения для Пушкина важен, особенно в юношеские годы. «Жизнью дайте ж наладиться, / Жизнь, увы, не вечный дар» («Гроб Анакреона», 1815).

«Кастальский ключ» – жизнь вдохновения и одиночества. Это ключ со вкусом тоски и печали: «Печален я: со мною друга нет» («19 октября», 1825).

Забвение как погружение, как утрата, как уход в иную реальность по Пушкину влечет за собой «сладкие думы», «крылатые мечтанья» («Мечтатель», 1815). «Минутное забвенье горьких мук» равносильно «отрадному похмелью» («19 октября», 1825). У Пушкина забвение – это успокоительный источник, способный врачевать душевные раны человека. Быть может, это лучшее, что может ожидать человека в его движении по оси жизни.

Исследуя жизнь, Пушкин, пытается предусмотреть все варианты существования, при этом стремясь к полноте и равновесию чувств, «равновесию подвижному, разомкнутому в реальную безграничность и многомерность бытия» [1, с. 215]. «Равновесие чувств» своеобразно проявляется в пушкинской «Элегии» («Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»).

Первая часть «Элегии» – томление печалью по прошлому: «Безумных лет угасшее веселье» и, казалось бы, отсутствие надежды на будущее: «Сулит мне труд и горе, / Грядущего волнуемое море».

Пушкину важно прошлое, каким бы оно не было, оно не бессмысленно. Оно необходимо для понимания будущего, для ощущения жизни. В. А. Грехнев отметил, что «Прошлое для Пушкина – не досадный прочерк в истории становления души. Оно томит и мучает памятью о «безумных днях», но оно оставило драгоценный опыт страдания, неизгладимый след печали, по Пушкину, неразлучной спутницы мысли» [1, с. 249].

Вторая часть противоречит первоначальной категоричности: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать, / И ведаю, мне будут наслажденья». По В.А. Грехневу, «Пафос второй части – пафос жизненной активности, личной воли, не снижающей даже при мысли о неотвратимости конца» [1, с. 251]. Страдание – естественное, необходимое для ощущения жизни состояние, ее неотъемлемая часть. Пушкин уверен, что за страданием придут и радость, и наслаждения: «Я ведаю, мне будут наслажденья, / Меж горестей, забот и треволненья». Как заключил Сквозников, «Жизнь сложна, и любить ее по-настоящему можно лишь тогда, когда душа и мысль поэта воспринимает все рождаемое ею впечатления, - воспринимает для того, чтобы потом вернуть их обогащенными людям» [2, с. 47]. Для Пушкина «труд» и «горе» - это послания судьбы («трудоуцего»), естественные, не зависящие от воли человека, необходимые для движения души, для просвещения мира.

Литература

1. Грехнев, В.А. Мир пушкинской лирики / В.А. Грехнев. – Н. Новгород, 1994. – 464 с.
2. Сквозников, В. Д. Лирика Пушкина / В. Д. Сквозников. – М. : Худож. лит., 1975. – 88 с.